

П. Я. Чаадаев

**Философические письма с
приложением его письма к
Шелингу, статьи о нем И.
Гагарина и отрывка из
"Былого и дум" А. И. Герцена**

Москва
«Книга по Требованию»

УДК 93
ББК 63.3
П11

П11 **П. Я. Чаадаев**
Философические письма с приложением его письма к Шелингу, статьи о нем И. Гагарина и отрывка из "Былого и дум" А. И. Герцена / П. Я. Чаадаев – М.: Книга по Требованию, 2016. – 100 с.

ISBN 978-5-458-10303-9

Под общим названием "Философской Библиотеки" я имею ввиду выпустить серию сначала переводных книг и брошюр по различным отделам и вопросам философских наук, понимаемых в широком смысле, т.е. включая и вопросы из других областей знания, раз они освящаются с общей, философской точки зрения.

ISBN 978-5-458-10303-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2016

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2016

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.



Серия Книжный Ренессанс

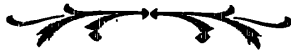
www.samizday.ru/reprint

ботка точнаго и легкаго философскаго языка можетъ составить благодарную задачу такихъ переводовъ.

Въ силу этого я глубоко убѣжденъ въ томъ, что классическія сочиненія можно и должно переводить по *многу* разъ—до тѣхъ поръ, пока не получится вполне совершеннаго перевода. Многочисленность переводовъ способствуетъ болѣе глубокому изученію писателя, такъ какъ каждый переводъ открываетъ въ немъ все новыя черты, новые оттѣнки. Поэтому не только совершенно естественно то, что у насъ есть два перевода „Критики чистаго разума“, но жаль, что нѣтъ еще третьяго и четвертаго переводовъ: вѣдь, напр., 1-й части Фауста Гёте существуетъ по-русски, если не ошибаюсь, около десяти переводовъ. Поэтому мы и включили въ нашу серію новые переводы уже имѣющихся на русскомъ языкѣ сочиненій Беркли и Юма.

Сначала мы предполагали вести отдѣльно серіи книжную и брошюрную; но потомъ, по соображеніямъ удобства, рѣшили такого дѣленія не дѣлать, а обозначать при каждомъ номерѣ нашей серіи число страницъ.

Серія пока не имѣетъ одного издателя; отдѣльные выпуски ея будутъ издаваться нѣсколькими лицами, изъявившими готовность содѣйствовать въ этой формѣ распространенію въ Россіи научно-философскихъ познаній. На каждомъ выпускѣ будетъ указываться фамилія его издателя.



Въ первые выпуски „Философской Библіотеки“

войдутъ слѣдующія книги и брошюры:

№ 1. РЕНЭ ДЕКАРТЪ. Начала философіи, кн. I. Переводъ съ латинскаго В. Н. Ивановскаго.

№ 2. РЕНЭ ДЕКАРТЪ. О страстяхъ души. Переводъ подъ редакціей В. Н. Ивановскаго.

№ 3. ДЖОРДЖЪ БЕРКЛИ. Трактатъ о принципахъ человѣческаго познанія. Пер. съ англ. заслуженнаго проф. Казанскаго университета А. В. Васильева. Изданіе А. В. Васильева.

VI

№ 4. ДАВИДЪ ЮМЪ. Изслѣдованіе о человѣческомъ умѣ. Пер. съ англ. Н. А. Васильева.

№ 5. ЭРНСТЪ МАХЪ. Этюды по философіи геометріи (собраніе журнальныхъ статей). Пер. (съ разрѣшенія автора) проф. А. В. Васильева.

№ 6. МАКСЪ ФЕРВОРНЪ. Современное міровоззрѣніе и естествознаніе. Пер. съ нѣмецкаго Г. П. Денике, подъ редакціей Вл. Ивановскаго. Казань. 1906. 24 стр. Ц. 30 к. Изд. К. Б. Гронковскаго.

№ 7. П. ЧААДАЕВЪ. Апологія сумашедшаго. Пер. съ французскаго Б. П. Денике и С. М. Юрьева подъ редакціей Вл. Ивановскаго. Съ портретомъ автора. Казань 1906. Ц. 20 к. 25 стр. Изд. К. Б. Гронковскаго.

№ 8. П. ЧААДАЕВЪ. Философическія письма. Пер. съ французскаго 2-го, 3-го и 4-го писемъ Б. П. Денике, подъ редакціей В. Ивановскаго. Съ приложеніемъ письма Чаадаева къ Шеллингу, статьи о немъ И. Гагарина и отрывка изъ „Былого и Думъ“ **А. И. Герцена**. Казань. 1906. Ц. 50 к. Изд. К. Б. Гронковскаго.

№ 9. КЛЕЙНПЕТЕРЪ. Теорія познанія современнаго естествоиспытанія. Перев. К. Б. Гронковскаго. Изд. К. Б. Гронковскаго.

№ 10. ВЛ. ИВАНОВСКІЙ. Что такое „позитивизмъ“?

До сихъ поръ вышли №№ 6 и 7, и печатается № 8. Склады изданій: въ книжномъ магазинѣ „Трудъ“—въ Петербургѣ и Москвѣ, въ конторѣ журнала „Вопросы философіи и психологіи“—въ Москвѣ и въ книжномъ складѣ М. В. Пирожкова. (Спб., Вас. О., угол. 2-й линіи и Большаго проспекта).

Приватъ-доцентъ **Вл. Ивановскій**.

А. И. Герценъ о Чаадаевѣ

(изъ „Былого и Думъ“, часть IV-ая, глава XXX-ая).

Письмо Чаадаева было своего рода послѣднее слово, рубежъ. Это былъ выстрѣлъ, раздавшійся въ темную ночь; тонуло-ли что и возвѣщало свою гибель, былъ-ли то сигналъ, зовъ на помощь, вѣсть объ утрѣ или о томъ, что его не будетъ—все равно, надобно было проснуться. Что, кажется, значать два, три листа, помѣщенныхъ въ ежемѣсячномъ обзорѣннѣи? а между тѣмъ, такова сила рѣчи сказанной, такова мощь слова въ странѣ молчащей и не привыкнувшей къ независимому говору, что письмо Чаадаева потрясло всю мыслящую Россію. Оно имѣло полное право на это. Послѣ „Горе отъ ума“ не было ни одного литературнаго произведенія, которое сдѣлало-бы такое сильное впечатлѣніе. Между ними—десятилѣтнее молчаніе, 14 декабря, висѣлица, каторга. Петровскій періодъ переломился съ двухъ концовъ. Пустое мѣсто, оставленное сильными людьми, сосланными въ Сибирь, не замѣшалось. Мысль томилась, работала—но еще ни до чего не доходила, говорить было опасно—да и нечего было сказать; вдругъ тихо поднялась какая-то печальная фигура и потребовала рѣчи для того, чтобъ спокойно сказать свое *lasciate ogni speranza*.

Лѣтомъ 1836 года, я спокойно сидѣлъ за своимъ письменнымъ столомъ въ Вяткѣ, когда почтальонъ принесъ мнѣ послѣднюю книжку Телескопа. Надобно жить въ ссылкѣ и глуши, чтобъ оцѣнить, что значить новая книга. Я, разумѣется, бросилъ все и принялся разрѣзывать Телескопъ—„Философскія письма“, писанныя къ дамѣ, безъ подписи. Въ подстрочномъ замѣчаніи было сказано, что письма эти писаны русскимъ по французски, т. е. что это переводъ. Все это скороѣ предупредило меня противъ статьи, чѣмъ въ ея пользу, и я принялся читать критику и смѣсь.

Наконецъ, дошелъ чередъ и до письма. Съ второй, третьей страницы меня остановилъ печально-серьезный тонъ: отъ каждаго слова вѣяло долгимъ страданіемъ, уже охлажденнымъ, но еще озлобленнымъ. Эдакъ пишутъ только люди долго думавшіе, много думавшіе и много испытывавшіе жизнью, а не теоріей... читаю далѣе—письмо растетъ, оно становится мрачнымъ обвинительнымъ актомъ противъ Россіи, протестомъ личности, которая за все вынесенное, хочетъ высказать часть накопившагося на сердцѣ. Я раза два останавливался, чтобъ отдохнуть и дать улечься мыслямъ и чувствамъ и потомъ снова читалъ и читалъ. И это напечатано по русски неизвѣстнымъ авторомъ... я боялся, не сошелъ-ли я съ ума. Потомъ я перечитывалъ „письмо“ Витбергу, потомъ С., молодому учителю вятской гимназіи, потомъ опять себѣ.

Весьма вѣроятно, что тоже самое происходило въ разныхъ губернскихъ и уѣздныхъ городахъ, въ столицахъ и господскихъ домахъ. Имя автора я узналъ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ.

Долго оторванная отъ народа часть Россіи претерпѣла молча, подъ самымъ прозаическимъ, бездарнымъ, ничего не дающимъ, въ замѣну гномъ, Каждый чувствовалъ гнетъ, у каждаго было *что-то* на сердцѣ и всетаки всѣ молчали; наконецъ, пришелъ человѣкъ, который по своему сказалъ *что*. Онъ сказалъ только про боль, свѣтлаго ничего нѣтъ въ его словахъ, да нѣтъ ничего и во взглядѣ. Письмо Чаадаева безжалостный крикъ боли и упрека петровской Россіи, она имѣла право на него; развѣ эта среда жалѣла, щадила автора или когонибудь?

Разумѣется, такой голосъ долженъ былъ вызвать противъ себя оппозицію или онъ былъ-бы совершенно правъ, говоря, что прошедшее Россіи пусто, настоящее невыносимо, а будущаго для нея вовсе нѣтъ, что это „пробѣлъ разумѣнія, грозный урокъ данный народамъ—до чего отчужденіе и рабство могутъ довести“. Это было покаяніе и обвиненіе; знать впередъ *чѣмъ* примириться—не дѣло раскаянія, не дѣло протеста, или сознание въ винѣ—шутка, и искупленіе—неискренно.

Но оно и не прошло такъ: на минуту всѣ, даже сонные и забитые, отпрянули, испугавшись зловѣщаго голоса. Всѣ были изумлены, большинство оскорблено, человѣкъ десять громко и горячо рукоплескали автору. Толки въ гостинныхъ предупредили мѣры правительства, накликали ихъ. Нѣмецкаго происхожденія русскій патриотъ Вигель (извѣстный не съ лицевой стороны по эпиграммѣ Пушкина) пустилъ дѣло въ ходъ.

Обозрѣніе было тотчасъ запрещено; Болдыревъ, старикъ, ректоръ московскаго университета и цензоръ былъ отставленъ; Надеждинъ, издатель, сосланъ въ Усть-Сысольскъ; Чаадаева приказано объявить *сумасшедшимъ* и обязать подпиской *ничего* не писать. Всякую службу пріѣзжалъ къ нему докторъ и полиціймейстеръ, они свидѣльствовали его и дѣлали донесеніе, т. е. выдавали за своей подписью *пятьдесятъ два фальшивыхъ свидѣтельства* — умно и нравственно. Наказанные разумѣется были они; Чаадаевъ съ глубокимъ презрѣніемъ смотрѣлъ на эти шалости въ самомъ дѣлѣ поврежденнаго своеволья власти. Ни докторъ, ни полиціймейстеръ никогда не заикались, за чѣмъ они пріѣзжали.

Я видѣлъ Чаадаева прежде моей ссылки одинъ разъ. Это было въ самый день взятія Огарева. Я упомянулъ, что въ тотъ день у М. Ѳ. Орлова былъ обѣдъ. Всѣ гости были въ сборѣ, когда взошелъ холодно кланяясь человѣкъ, котораго оригинальная наружность, красивая и самобытно-рѣзкая, должна была каждаго остановить на себѣ. Орловъ взялъ меня за руку и представилъ, это былъ Чаадаевъ. Я мало помню объ этой первой встрѣчѣ, мнѣ было не до него; онъ былъ какъ всегда холоденъ, серьезенъ, уменъ и золъ. Послѣ обѣда Раевская, мать Орловой сказала мнѣ: „что вы такъ печальны, ахъ молодые люди, молодые люди, какіе вы нынче стали!“—„А вы думаете, сказалъ Чаадаевъ что нынче еще есть молодые люди?“ вотъ все, что осталось у меня въ памяти.

Возвратившись в Москву я сблизился с нимъ и съ тѣхъ поръ до отъѣзда мы были съ нимъ въ самыхъ лучшихъ отношеніяхъ.

Печальная и самобытная фигура Чаадаева рѣзко отдѣляется какимъ-то грустнымъ упрекомъ налицуемъ и тяжелою фондѣ московской high life. Я любилъ смотрѣть на него среди этой мишурной знати, вѣтренныхъ сенаторовъ, сѣдыхъ повѣсь и почетнаго ничтожества. Какъ бы ни была густа толпа, глазъ находилъ его тотчасъ; лѣта не исказили стройнаго стана его, онъ одѣвался очень тщательно, блѣдное, нѣжное лицо его было совершенно неподвижно. когда онъ молчалъ, какъ будто изъ воску или изъ мрамора, „чело какъ черепъ голый“. сѣро-голубые глаза были печальны, и съ тѣмъ вмѣстѣ имѣли что-то доброе, тонкія губы напротивъ улыбались проницески. Десять лѣтъ стоялъ онъ сложа руки гдѣ-нибудь у колонны; у дерева на бульварѣ, въ залахъ и театрахъ, въ клубѣ и—воплощеннымъ вето, живой протестаціей смотрѣлъ на вихрь лицъ, безсмысленно вертѣвшихся около него, капризничалъ, дѣлался страннымъ, отчуждался отъ общества, не могъ его покинуть, потомъ сказалъ свое слово, спокойно спрятавъ, какъ пряталъ въ своихъ чертахъ страсть подъ ледяной корою. Потомъ опять умолкъ, опять является капризнымъ, недовольнымъ, раздраннымъ, опять тяготѣлъ надъ московскимъ обществомъ и опять не покидалъ его. Старикамъ и молодымъ было не ловко съ нимъ, не по себѣ; они, Богъ знаетъ отчего, стыдились его неподвижнаго лица, его прямо смотрящаго взгляда, его печальной насмѣшки, его извѣстнаго снисхожденія. Что-же заставляло ихъ принимать его, звать... и еще больше ѣздить къ нему? Вопросъ очень серьезный.

Чаадаевъ не былъ богатъ, особенно въ послѣдніе годы; онъ не былъ и знатенъ; ротмистръ въ отставкѣ съ желѣзнымъ кульскимъ крестомъ на груди. Онъ, правда, по словамъ Пушкина. „Въ Римѣ былъ-бы Брутъ, въ Афинахъ Периклесь,

Онъ здѣсь подъ гнетомъ власти царской,

Онъ только офицеръ гусарской...“

Знакомство съ нимъ могло только компрометировать челоуѣка въ глазахъ правительствующей полиціи. Откуда-же шло вліяніе, зачѣмъ въ его небольшомъ, скромномъ кабинетѣ, въ Старой Басманной, толпились по понедѣльникамъ „тузы“ англійскаго клуба, патриціи тверскаго бульвара? Зачѣмъ модныя дамы заглядывали въ келью угрюмаго мыслителя, зачѣмъ генералы, не понимающіе ничего штатскаго, считали себя обязанными явиться къ старику, неловко прикинутъсь образованными людьми и хвастаться потомъ, перевирая какое нибудь слово Чаадаева, сказанное на ихъ-же счетъ? Зачѣмъ я встрѣчалъ у него дикаго *американца* Толстаго и дикаго генераль-адъютанта Шипова, уничтожавшаго просвѣщеніе въ Польшѣ?

Чаадаевъ не только не дѣлалъ имъ уступокъ, но тѣснилъ ихъ и очень хорошо давалъ имъ чувствовать разстояніе между имъ и ними. *)

*) Чаадаевъ часто бывалъ въ англійскомъ клубѣ. Разъ какъ-то морской министръ, Мещниковъ, подошелъ къ нему со словами: „что это Петръ Яковлевичъ, старыхъ знакомыхъ не узнаете?“—„Ахъ это вы!—отвѣчалъ Чаадаевъ, дѣйствительно не узнавъ. Да и что это у васъ черный воротничкъ, прежде кажется былъ красный?“

Разумѣется, что люди эти ѣздили къ нему и звали на свои рауты изъ тшеславія, но до этого дѣла нѣтъ; тутъ важно невольное сознаніе, что мысль стала мощью, имѣла свое почетное мѣсто вопреки высочайшему повелѣнію.

Чаадаевъ имѣлъ свои странности, свои слабости, онъ былъ озлобленъ и избалованъ. Я не знаю общества менѣе снисходительнаго какъ московское. болѣе исключительнаго, именно по этому оно смахиваетъ на провинціальное и напоминаетъ недавность своего образованія. Отчего-же человѣку въ пятьдесятъ лѣтъ, одинокому, лишившемуся почти всѣхъ друзей, потерявшему состояніе, много жившему мыслью, часто огорченному, не имѣть своего обычая, свои причуды?

Чаадаевъ былъ адъютантомъ Васильчикова во время извѣстнаго семеновскаго дѣла. Государь находился тогда, помнится, въ Веронѣ или въ Ахенѣ на конгрессѣ. Васильчиковъ послалъ Чаадаева съ рапортомъ къ нему, и онъ какъ-то опоздалъ часомъ или двумя и прѣехалъ позже курьера, посланнаго австрійскимъ посланникомъ Лебцельтерномъ. Государь, раздраженный дѣломъ, увлекаемый тогда окончательно въ реакцію Меттернихомъ, который съ радостью услышалъ о семеновской исторіи, очень дурно принялъ Чаадаева, бранился, сердился и потомъ опомнившись велѣлъ ему предложить званіе флигель-адъютанта; Чаадаевъ отклонилъ эту честь и просилъ одной милости—отставки. Разумѣется это очень не понравилось, но отставка была дана.

Чаадаевъ не торопился въ Россію, разставшись съ золоченымъ мундиромъ, онъ принялся за науку. Умеръ Александръ I, случилось 14 декабря (отсутствіе Чаадаева спасло его отъ вѣроятнаго преслѣдованія *)), около 1830 года онъ возвратился.

Въ Германіи Чаадаевъ сблизился съ Шеллингомъ; это знакомство вѣроятно много способствовало, чтобъ навести его на мистическую философію. Она у него развилась въ революціонный католицизмъ, которому онъ остался вѣренъ на всю жизнь. Въ своемъ письмѣ онъ половину бѣдствій Россіи относитъ на счетъ греческой церкви, на счетъ ея отторженія отъ всеобъемлющаго западнаго единства.

— Да развѣ вы не знаете, что я мореккой министръ?

— Вы? Да я думаю вы никогда шлюпкой не управляли.

— „Не черги горшки обжигаютъ“, отвѣчалъ, нѣсколько недовольный Меншиковъ.—Да развѣ на этомъ основаніи, заключилъ Чаадаевъ.

Какой-то сенаторъ сильно жаловался на то, что очень занятъ. Чѣмъ-же, спросилъ Чаадаевъ.

— Помилуйте одно чтеніе записокъ дѣлъ—и сенаторъ показалъ архивъ отъ полу

— Да вѣдь вы ихъ не читаете.

— Нѣтъ иной разъ я очень, да потомъ все-же иногда надобно подать свое мнѣніе.

— Вотъ въ этомъ я ужъ никакой надобности не вижу—замѣтилъ Чаадаевъ.

*) Теперь мы знаемъ достовѣрно, что Чаадаевъ былъ членомъ общества, изъ записокъ Якушкина.

Какъ ни странно для насъ такое мѣненіе, но не надобно забывать, что католицизмъ имѣетъ въ себѣ большую ягучесть. Лакордеръ проповѣдовалъ католическій социализмъ, оставаясь доминиканскимъ монахомъ, ему помогать Шеве, оставаясь сотрудникомъ Voix de peuple. Въ сущности нео-католицизмъ не хуже реторическаго деизма, этой не-религіи и не вѣденія. этой умѣренной теологіи образованныхъ мѣщанъ, „атеизма окруженнаго религіозными учрежденіями“.

Если Ронге и послѣдователи Бюше еще возможны послѣ 1848 г. послѣ Фейербаха и Прудона, послѣ Пія IX и Лошеля, если одна изъ самыхъ энергическихъ партій движенія ставитъ мистическую формулу на своемъ знамени, если до сихъ поръ есть люди какъ Мицкевичъ, какъ Красинскій, продолжающіе быть мессіанистами, то дивиться нечему, что подобное ученіе привезъ съ собою Чаадаевъ изъ Европы двадцатыхъ годовъ. Мы ее нѣсколько забыли; стоить вспомнить исторію Валабелы, письма леди Морганъ, записки Адріана, Байрона, Леопарди, чтобы убѣдиться что это была одна изъ самыхъ тяжелыхъ эпохъ исторіи. Революція оказалась несостоятельной, грубый монархизмъ съ одной стороны цинически хвастался своею властью, лукавый монархизмъ съ другой цѣломудренно прикрывался листомъ хартии; едва только, и то изрѣдка, слышались пѣсни освобождающихся елиновъ, какая нибудь энергическая рѣчь Каннинга или Ройе Колара.

Въ протестантской Германіи образовалась тогда католическая партія, Шлегель и Лео мѣняли вѣру, старый Янъ и другіе бредили о какомъ-то народномъ и демократическомъ католицизмѣ. Люди спасались отъ настоящаго въ средніе вѣка, въ мистицизмъ,—читали Экартсгаузена, занимались магнетизмомъ и чудесами князя Гогенло; Гюго, врагъ католицизма столько-же помогать его возстановленію, какъ тогдашній Ламене, ужасавшійся бездушному индиферентизму своего вѣка.

На русскаго такой католицизмъ долженъ былъ еще сильнѣй подѣйствовать. Въ немъ было формально все то, чего не доставало въ русской жизни, оставленной на себя, сгнетенной одной матеріальной властью и ищущей путь собственнымъ чутьемъ. Строгій чинъ и гордая независимость западной церкви, ея оконченная ограниченность, ея практическія приложенія, ея безвозвратная увѣренность и мнимое снятіе всѣхъ противурѣчій своимъ высшимъ единствомъ, своей вѣчной фато-морганой, своимъ *urbi et orbi*, своимъ презрѣніемъ свѣтской власти, должно было легко овладѣть умомъ пылкимъ и начавшимъ свое серьезное образованіе въ совершенныхъ лѣтахъ. Когда Чаадаевъ возвратился, онъ засталъ въ Россіи другое общество и другой тонъ. Какъ молодъ я ни былъ, но я помню, какъ наглядно высшее общество пало и стало грязнѣе. Аристократическая независимость, гвардейская удалъ alexандровскихъ временъ—все это исчезло съ 1826 годомъ.

Были иные всходы, подсѣды, еще не совсѣмъ извѣстные самимъ себѣ, еще ходившіе съ раскрытой шеей à l'enfant или учившіеся по пансіонамъ и лицамъ, были молодые литераторы, начинавшіе пробовать свои силы и свое перо, но все это еще было скрыто, и не въ

томъ міръ, въ которомъ жилъ Чаадаевъ.

Друзья его были на каторжной работѣ; онъ сначала оставался совсѣмъ одинъ въ Москвѣ, потомъ вдвоемъ съ Пушкинымъ, наконецъ втроемъ съ Пушкинымъ и Орловымъ. Чаадаевъ показывалъ часто послѣ смерти обоихъ, два небольшие пятна на стѣнѣ подъ спинкой дивана, тутъ они прислонили голову!

Безмѣрно печально сличеніе двухъ посланій Пушкина къ Чаадаеву, между ними прошла не только ихъ жизнь, но цѣлая эпоха, жизнь цѣлаго поколѣнія, съ надеждой ринувагося впередъ и грубо отброшеннаго назадъ. Пушкинъ юноша говоритъ своему другу:

Товарищъ вѣрь, взойдетъ она
Заря плѣнительнаго счастья,
Россія воспрянетъ ото сна
И на обломкахъ самовластья
Напишутъ наши имена.

Но заря не взошла, а взошелъ Николай I на тронъ и Пушкинъ пишетъ:

Чаадаевъ, помнишь-ли былое?
Давно-ль съ восторгомъ молодымъ
Я мыслилъ имя роковое
Предать развалинамъ нинѣмъ?
Но въ сердцѣ бурями смиренномъ,
Теперь и тѣнь и тишина
И въ умиленьи вдохновенномъ,
На камнѣ дружбой освященномъ,
Пишу я наши имена!

Въ міръ не было ничего противоположнаго славянамъ, какъ безнадежный взглядъ Чаадаева, которымъ онъ мстилъ русской жизни, какъ его обдуманное, выстраданное проклятіе ей, которымъ онъ замыкалъ свое печальное существованіе и существованіе цѣлаго періода русской исторіи. Онъ долженъ былъ возбудить въ нихъ сильную оппозицію, онъ горько и уныло-зло оскорблялъ все дорогое имъ, начиная съ Москвы.

„Въ Москвѣ, говаривалъ Чаадаевъ, cadaго иностранца водятъ смотрѣть большую пушку и большой колоколь... Пушку, изъ которой стрѣлять нельзя и колоколь, который свалился прежде, чѣмъ звонилъ. Удивительный городъ, въ которомъ достопримѣчательности отличаются нелѣпостью; или можетъ этотъ большой колоколь безъ языка—гіероглифъ, выражающій эту огромную нѣмую страну, которую заселяетъ племя, назвавшее себя *славянами*, какъ будто удивляясь, что имѣетъ слово человеческое.“ *)

Чаадаевъ и славяне равно стояли передъ неразгаданнымъ сфинксомъ русской жизни, сфинксомъ, спящимъ подъ солдатской шинелью и подъ полицейскимъ надзоромъ; они равно спрашивали: „Что-же изъ этого будетъ? Такъ жить невозможно: тягость и нелѣпость настоящаго очевидны, невыносимы—гдѣ-же выходъ?“

А. Герценъ.

*) Въ дополненіе къ тому, говорилъ онъ мнѣ въ присутствіи Хомякова,—они хвастаются даромъ слова, а во всѣхъ племенахъ говорятъ одинъ Хомяковъ.“

Отъ редакторā перевода.

14-го апрѣля текущаго года исполнится 50 лѣтъ со дня смерти знаменитаго родоначальника русскаго западничества Петра Яковлевича Чаадаева.

Имя Чаадаева болѣе или менѣе извѣстно русской публикѣ; но съ сочиненіями его знакомы лишь очень и очень немногіе. До послѣдняго времени на русскомъ языкѣ изъ писаній Чаадаева существовало (въ Кетчеровскомъ переводѣ съ французскаго) лишь то знаменитое «Первое философическое письмо къ г-жѣ * * *», которое вызвало въ обществѣ такую бурю и за которое Чаадаева было свыше приказано считать сумашедшимъ. Да и это письмо было затеряно въ старомъ журналѣ—въ *Телескопѣ* за 1836 г. Даже французское собраніе сочиненій Чаадаева, вышедшее въ Парижѣ въ 1862 г. подъ редакціей извѣстнаго И. Гагарина, ставшаго изъ русскаго князя іезуитскимъ патеромъ, составляетъ чрезвычайную рѣдкость и мало у кого имѣется.

Между тѣмъ, воззрѣнія Чаадаева въ высшей степени интересны: они знаменуютъ тотъ историческій моментъ, когда въ Россіи впервые стали слагаться цѣльныя системы философско-общественныхъ воззрѣній—притомъ не у отдѣльныхъ личностей (что встрѣчалось и раньше), а у цѣлыхъ направленій, школъ. У декабристовъ не было одного, общаго всѣмъ міросозерцанія: у нихъ было много настроенія, много порыва, объединявшаго всѣхъ; но идеологій у отдѣльныхъ декабристовъ были очень различны, по большей части даже не совсемъ ясны... Крахъ 1825 г. сметаетъ эту группу общественныхъ дѣятелей; отъ нея остаются лишь нѣсколько ея отдѣльныхъ членовъ: Н. И. Тургеневъ за границей, Пушкинъ, М. Ѳ. Орловъ и П. Я. Чаадаевъ въ Москвѣ. И когда, послѣ «десятилѣтняго молчанія», подросло въ новой общественной средѣ—въ средѣ студентовъ Московскаго уни-

II

верситета, въ большинствѣ принадлежавшихъ уже не къ придворно-гвардейской знати, а къ среднему дворянству, — новое поколѣніе общественныхъ дѣятелей (ссылка Герцена, Огарева и другихъ въ 1833 и 34 г., появленіе «Литературныхъ мечтаній» Бѣлинскаго въ 1835 г.), — основной вопросъ, вопросъ о томъ, что же такое русскій народъ, Россія, русское государство, былъ поставленъ этому поколѣнію уцѣлѣвшимъ обломкомъ «декабрьской эпохи». Новое поколѣніе съ жаромъ принялось разрабатывать этотъ вопросъ, разбилось на группы западниковъ и славянофиловъ, а позже подготовило русскую мысль и къ переходу къ реалистическому общественному міровоззрѣнію. Періодъ «западничества и славянофильства» служитъ, по моему мнѣнію, какъ бы школьнымъ возрастомъ для позднѣйшихъ прогрессивныхъ общественныхъ міровоззрѣній. Не надо забывать того, что, хотя въ этотъ періодъ русское общественное мышленіе стояло еще на «идеалистическихъ» рельсахъ, тѣмъ не менѣе именно въ эту эпоху впервые появился у насъ систематическій, сознательный *демократизмъ*, какъ отчетливая общественная идеологія. Самые вопросы, трактовавшіеся тогда: о прошломъ, настоящемъ и будущемъ русскаго народа, русскаго крестьянства, русскихъ «началь»: общины, артели, міра и т. д. — все эти вопросы выходили за предѣлы прежнихъ представленій объ исторіи, какъ о дѣлѣ «верхнихъ десяти тысячъ», и предполагали живой интересъ къ быту и судьбамъ широкихъ народныхъ массъ.

Есть два основныхъ типа общественныхъ воззрѣній. Одинъ въ основу общественныхъ явленій ставитъ, въ той или другой формѣ, *идеи*: объективно ли міровыя или собственно человѣческія; другой видитъ исходную точку въ *фактѣ*, въ реальности, какъ она создается *силой* (или комбинаціями общественныхъ силъ). Второе пониманіе, пошедшее въ новой философіи отъ Гоббса, получаетъ все болѣе и болѣе преобладанія въ послѣднее время. У насъ въ Россіи на рубежѣ этихъ двухъ періодовъ общественныхъ міровоззрѣній, не принадлежа вполнѣ ни тому ни другому, стоятъ великія имена Герцена и Бѣлинскаго (отчасти подъ влияніемъ Герцена развивался еще М. А. Бакунинъ). Чаадаевъ принадлежитъ всецѣло къ первому типу общественныхъ мы-